

ГОД ПЕДАГОГА И НАСТАВНИКА

Виктор КОСТЕЦКИЙ

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР: «СПАСИБО, ХОРОШО»

Время — честный человек.

Пьер Бомарше

Как-то дочка из первого класса принесла такие оценки: «отлично», «хорошо» и «спасибо». Эти оценки удачно подошли бы для выражения отношения к творчеству немецкого философа Мартина Хайдеггера. Его справедливо относят к самым талантливым западным философам XX века. Действительно, таланта настоящего, глубокого, философского просто клад; но что-то в текстах вызывает иронию. Претензия, собственно, одна: недосказанность. Недосказанность при многословии. Техника философской мысли М. Хайдеггера чрезвычайно загадочна, любопытна, занимательна и литературно восхитительна.

В докладе 1962 года «Время и бытие», прочитанном в актовом зале Фрейбургского университета в обстановке благоговейного почитания, Хайдеггер продемонстрировал лучшие образцы своего метода. Уже название доклада погружает в ступор: почему время и бытие, а не пространство и время, почему «бытие», а не привычное после Гегеля «становление»? Собственно, сам «термин» бытие давно перешел из философии в литературу: библейскую, марксистскую, поэтическую. Хайдеггер намеренно и демонстративно восходит к античному истоку этого термина — Пармениду.

Парменид (рубеж VI—V веков до н. э.) из города Элея был законодателем, и для него резонно звучала альтернатива «Что может быть — чего не может быть никогда». Отсюда его знаменитый тезис «небытия нет»: чего не может быть, того и нет. Фраза не так банальна, как выглядит. Не может быть, например, вечного двигателя, поэтому правильно делают, когда изобретателям указывают на неочевидную ошибку. Точно

Виктор Валентинович Костецкий — доктор философских наук, профессор. Родился в 1955 году на Крайнем Севере, учился в Ленинграде, жил и работал в Сибири. С 2000 года преподает в разных вузах Санкт-Петербурга, в настоящее время — профессор Академии художеств.

так же не может теплота от холодного тела переходить к горячему — бесполезны попытки нарушать закон энтропии своими «изобретениями».

Во времена Парменида ни об энтропии, ни о вечном двигателе ничего не знали, поэтому нашли другой пример: «Движения не может быть» — странный теоретический вывод, которому противоречит любое наблюдение. В таком случае должно признать, что движения нет, а видимые движения — иллюзия, например, иллюзия времени. Очевидно, что в любое мгновение времени, когда время «остановилось», движения нет, само же время не является движением. Эту мысль высказал последователь Парменида Зенон, «изобретатель диалектики», по свидетельству Аристотеля, в своих знаменитых апориях. Современному читателю необязательно погружаться в «апории Зенона», достаточно вспомнить о «бегущей строке» рекламы: мы видим движение, которого нет, нет бега букв или бега светящихся лампочек.

Современной физике до мысли о том, что «движения нет», еще далеко: электроны, дескать, «крутятся» вокруг ядра. Лишь в квантовой механике пришлось признать, что электроны в атоме меняют орбиты «скачком», без этого самого «движения» (раскручивания). Между прочим, Г. Гегель в своей диссертации «Об орбитах планет» тоже требовал признания за орбитами планет статуса стационарности, причем с прямым указанием на то, что орбиты планет не обусловлены «законом всемирного тяготения». Очевидная для Гегеля мысль о квантованности орбит планет Солнечной системы современным астрономам пока в голову не приходит. Отсутствие философской рефлексии погружает астрономическую науку в домыслы, мифологичности которых нет предела: от «теории Большого взрыва» до открытия «темной материи». А что, интересно, мешает электрону в атоме «перескакивать» с орбиты на орбиту как не «темная материя»? Нас же не удивляет, что в каменном доме мы не проходим сквозь стены в нужном нам направлении, а ходим строго по уровням-этажам или по коридорам-комнатам. Как бы мы отнеслись к человеку, который, хлопнув себя по голове, заявил: «Ба! Эврика!! Между этажами и комнатами темная материя! Ее даже больше, чем мебели!»

Но Мартин Хайдеггер не физик; он полагает, что анализ античного «бытия» способен внести свою лепту в построение «картины мира». Как опытный оратор, в начале своего доклада Хайдеггер делает предупреждение: его мысли так же трудно понимать, как уравнения квантовой механики или абстрактные произведения поэтов и художников. Замечательное представление себя публике. Далее идет погружение аудитории в античную терминологию: все существующее будет называться «сущим», а факт существования сущего будет выражаться термином «бытие». Например, Сократ — сущее, Сократ есть — бытие. В обычной жизни и в классической науке сущее и бытие не различаются, однако «попытка мыслить бытие без сущего становится необходимой» [Хайдеггер, 1993, с. 391]. Цель доклада обозначена по аналогии с улыбкой чеширского кота: бытие без сущего, — трудная тема.

Далее маэстро приступает к делу. «Что дает повод назвать рядом время и бытие?» — обращается он к аудитории, которая уже озадачена этим вопросом и терзается страхом остаться с вопросом наедине. Но нет, маэстро готов рассеять все сомнения. Для начала ему надо чуть подправить смысл бытия: «Бытие от раннего начала западноевропейской мысли до сего дня значит то же, что присутствие» [Хайдеггер, 1993, с. 392]. Замечательно, не так ли? Бытие равно присутствие. Правда, такого отождествления бытия и присутствия никогда не было в истории западной мысли, но одно действительно не исключает другого. Зачем Хайдеггер так категорично их отождествляет, становится ясным, когда он в присутствии обнаруживает время: прошлое и будущее отсутствуют, а настоящее присутствует. Конкретная драма абстрактных идей уже намечена автором. Если настоящее как время наличествует в присутствии бытия, то возникает вопрос: прошлое и будущее в отношении бытия тоже являются присутствующими?

Вопрос коварен; Хайдеггер обходит трудности введением различия «потаенно присутствующего» и «непотаенно присутствующего». Настоящее время непотаенно присутствует в бытии, а прошлое с будущим потаенно. Логично, даже тавтологично. Но на сцену меж тем незаметно выведены два новых персонажа: Потаенное и Непотаенное. Труппа абстрактных персонажей почти вся в сборе и готовится к постановке «Божественной комедии»; занавес раскрыт.

На пустую сцену выходит Парменид с монологом: «*ἔστι γὰρ εἶναι*» («есть, собственно, бытие»). Затем на сцене появляется двойник Парменида в лице Хайдеггера, который переводит бытие как присутствие. Вновь повисает вопрос, каким образом прошлое и будущее присутствуют в бытии. Следует короткий монолог Хайдеггера о времени под названием «Оно нам неведомо» [Хайдеггер, 1993, с. 396], в силу чего прошлое и будущее присутствуют в бытии, только с каким-то «недостатком присутствия» [Хайдеггер, 1993, с. 397]. Удивительное откровение поражает зрителей своей простотой.

На самом деле докладчик не оговорился. Разве отсутствие не может само выступать в роли присутствия? Например, отсутствие болезни означает присутствие здоровья. Не таким ли образом присутствие одного из трех видов времени обусловлено отсутствием двух других? Этот вопрос — ключ к картине мира, которую строит Хайдеггер. «Эта взаимная игра — пишет он, — оказывается особенным, в собственном времени разыгравшимся протяжением, т. е. как бы четвертым измерением... Собственно время четырехмерно» [Хайдеггер, 1993, с. 400]. Выражение «четвертое измерение» скорее дань популизму, отсюда «как бы», но мысль выражена конкретно: то, что является временем «на самом деле», за пределами настоящего, прошедшего и будущего.

Так называемое сущее (мир вещей) существует в прошлом, настоящем и будущем, но временем не является ни то, ни другое, ни третье — только их взаимная игра в присутствие-отсутствие, которая и фиксируется «бытием». В этой логике тезис Зенона из Элеи «движения нет» однозначно верен: движение есть иллюзия на основе присутствия-отсутствия. Двигаться в действительности означает попеременно отсутствовать в точке присутствия и затем присутствовать в точке отсутствия. Так возникает иллюзия непрерывности дискретного.

Целью хайдеггеровского доклада является не апология Парменида и Зенона сама по себе, а изменение картины мира. В докладе не случайно появляется фигура человека: три формы времени ведомы только ему, с ним и возможна игра. Игра состоит в том, что мыслящий человек никогда не знает, в какую эпоху он живет. Как сущее он в одной эпохе, как бытие — в другой. Или присутствует попеременно. Игра в три формы времени чем-то напоминает игру в наперстки. Тогда и появляется представление об истине как «непотаенности» в «просвете бытия». Настоящее время «не есть»: оно «имеет место» в качестве исчезнувшего «былого». Прошлое и будущее присутствуют в настоящем своим отсутствием. Они, конечно, есть — в потаенности бытия. Когда в кабинете грозного начальника никого нет, это не значит, что там никого нет: там есть отсутствие присутствия начальника, причем не менее грозное.

Для Хайдеггера представляется важным связать с бытием и временем некую тайну. Понятие присутствие по отношению к человеку тоже намекает на нечто потаенное. Например, говорят «присутствовал на приеме», не говорят «присутствовал на пляже». Присутствуют на событийных мероприятиях. Такое бытие-присутствие человека в мире называется экзистенцией. Вещи не экзистировать. Присутствие вещей (сущего) выражается в том, что до определенного времени их не было и после определенного времени не будет. Для человека бытие выступает событием, бытием со значением присутствия. Присутствие предполагает значимое событие, которым для человека оказывается время: человек присутствует при времени. Тогда снова возникает вопрос: «Где же время? Есть ли оно вообще? Время явно не ничто» [Хайдеггер, 1993, с. 397].

Собирается ли М. Хайдеггер отвечать на поставленные им вопросы? Нет, не собирается. Не собирается, потому что ответ впечатан в рассуждения, в название доклада. Доклад называется «Время и бытие», но никак не наоборот — это можно понять только с окончанием доклада, причем несколько продолжая логику доклада самостоятельно. Хайдеггеру нравится присутствие ответа на вопрос в форме его отсутствия. Еще раз проследим за ходом мысли в докладе. Вещи — термин «сущее»; бытие — не «есть», а присутствие. Присутствие предполагает событие. Событием является время в игре присутствия-отсутствия в вариантах прошлое-настоящее-будущее. Затем еще фигурируют «непотаенное» и «потаенное». В результате за всеми рассуждениями обнаруживается фигура умолчания, которая странным образом присутствует-отсутствует. Это время в его условно «четвертом измерении», причем не в формах настоящего, прошедшего и будущего, а именно присутствием отсутствия двух из них. Но таким образом существующее время всегда рядом с бытием, не будучи ничто, но и не будучи чем-то. Если перевести с дипломатического языка на русский, то это означает только то, что Бог существует в соприкосновении с миром в форме времени. Аристотель называл Бога «перводвигателем» — он движет все, не будучи сам побуждаемым чем-либо. Точно так же проявляет себя время: время господствует над миром, «движет все».

Хайдеггер знал и понимал Аристотеля лучше, чем кто-либо другой. Смысл доклада «Время и бытие» не в том, чтобы чем-то обогатить концепции времени по примеру теории относительности, а в том, чтобы создать «доказательство бытия Бога» самому себе. Время измеряется движением, но не определяется им. Все существует во времени, но время недостижимо посредством любой физики. Как писал Мейстер Экхарт, «Бог к нам близко, но мы далеко. Бог внутри, но мы снаружи». Человек захвачен временем, потому что всеобщий интерес к истории не случаен. Только захваченный временем человек оказывается в состоянии предстояния: он помнит былое, вопрошает и отвечает за него. В картине мира время выводится Хайдеггером за пределы физики. Время кажется близко, вот оно: какая иллюзия! Не мы измеряем время, а время измеряет нас. Время вездесуще, оно везде и во всем. Нет в физике ничего более физического, чем время, и ничего более далекого от физики, чем время. Спасибо Хайдеггеру за эту мысль, в моей формулировке.

Литература

Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.